
ЯЗЫК – МЫШЛЕНИЕ – КУЛЬТУРА

В. М. АЛПАТОВ

О ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ЯПОНЦЕВ

Представления о мире у каждого народа тесно связаны с его языком. Вопрос о языковых картинах мира, в том числе о японской, сейчас активно изучается. К сожалению, научные методы такого изучения пока почти не разработаны, поэтому место научных исследований нередко занимают мифы и спекуляции. Тем не менее можно выделить ряд особенностей японской языковой картины мира; в частности, можно говорить об особенностях восприятия природы и об особой роли противопоставления «свой – чужой» в японском языке и японской культуре.

Вопрос об особенностях так называемой национальной языковой картины мира связан в Японии (и не только в ней) со многими ненаучными спекуляциями и не всегда ставится научно корректно. Тем не менее нельзя отрицать его важности и актуальности. Давно известно, что языки по-разному членят мир, с разной степенью детальности описывают и классифицируют его явления.

Еще В. фон Гумбольдт писал: «Весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне... Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» (Гумбольдт 1984: 80). В 30-е годы XX века вопросом о влиянии языка на представления людей о мире задавались замечательный американский культуролог и лингвист Э. Сепир и его ученик Б. Уорф (Уорф 1960). Для японского языка вопрос об особенностях членения мира поставил еще в 50-е годы видный лингвист Киндайти Харухико (Kindaichi 1978), ряд фактов из его книги далее будет приводиться в качестве примеров.

Фактического материала по данным вопросам собрано много для самых разных языков и культур, включая японский язык и

японскую культуру, но пока нет строгого научного метода, позволяющего интерпретировать эти факты. Нет ясности и относительно того, что в каждом случае является определяющим: когда язык влияет на поведение людей, а когда, наоборот, особенности языка производны от условий жизни. Изучение проблемы японской языковой картины мира делает лишь первые шаги, но уже обросло предрассудками и стереотипами.

Гипотеза Уорфа о том, что поведение людей обусловлено их языком, активно обсуждается в современной науке, в том числе в японской, но ее нельзя считать ни доказанной, ни опровергнутой. Фактов, ее подтверждающих, немало, но наука пока не обладает каким-либо научным методом для разрешения этих проблем; мы уже писали об этом (Алпатов 1998). Среди японских авторов она особенно популярна. Особое значение, придаваемое японским массовым сознанием своему языку, хорошо увязывается с высказанными в совершенно иной обстановке идеями американского ученого.

Скажем, авторы книги (Fukuda, Fukuda 1990) попытались сопоставить, с одной стороны, японский и английский языки, с другой стороны, социальное устройство Японии и США с особым вниманием к устройству менеджмента. Для нас привычно, что какая-то область рассматривается в качестве «базиса», но необычно, что в таком качестве рассматривается язык.

Авторы перечисляют ряд особенностей, действительно имеющих в английском языке, в сопоставлении с японским языком. У американцев имя стоит перед фамилией, адрес начинается с имени и фамилии, а страна стоит на последнем месте, в японском же языке все наоборот; силовое ударение в английском языке четко разделяет слова, японское музыкальное ударение их объединяет; обособленность английских слов усиливается артиклями и использованием прописных букв, чего нет в японском языке. Все это соответствует реальности. Различия, однако, подобраны для иллюстрации двух заранее заданных тезисов. Первый: для английского языка главное – обозначение части, для японского – обозначение целого. Второй: в английском предложении составные части резко отделены друг от друга, чем в японском. Вывод авторов: японский язык холистичен, рассматривает мир в его целостности, ему свойственны конкретность и эмоциональность; английскому языку свойственны расчленение мира и выделение индивидуального, особенно эгоцентричного (даже местоимение первого лица пишет-

ся с большой буквы) начала, абстрактность и логичность (Fukuda, Fukuda 1990: 78).

Переходя к рассмотрению японского и американо-канадского общества, братья Фукуда перечисляют множество достоверных или, по крайней мере, правдоподобных фактов. Вот некоторые из них. Американские и канадские компании предпочитают узких специалистов, японские фирмы – преданных людей, готовых выполнять любую работу. На американских визитных карточках обязательно обозначается профессия человека, а на японских – часто лишь фирма. Христианство монотеистично, синтоизм политеистичен, а разные религии мирно сосуществуют в Японии, но не на Западе. На западных могильных памятниках всегда пишутся имена и почти всегда даты жизни погребенных, на японских – лишь семейная фамилия. Отсюда делается вывод в отношении «настройки»: американо-канадское общество характеризуется рыночной экономикой, индивидуализмом членов, отделением власти от личности, склонностью к соревнованию и борьбе. Японское же общество отличают целостность, государственное регулирование экономики, склонность своих членов к гармонии и консенсусу, преобладание интересов государства и фирмы над интересами личности (Fukuda, Fukuda 1990: 107–108). В США и Канаде господствует капитализм, которого в Японии нет и никогда не было. Все это иллюстрируется примерами из разных сфер: от менеджмента до семейной жизни; сами по себе они опять-таки достоверны, но очевидно, что они специально подбираются.

Другой автор писал, что в гармоничном японском обществе собеседников немного и каждый из них определен, тогда как на Западе приходится общаться сразу со многими, поэтому требуются специальные языковые средства вроде ненужного японцам артикля и не обязательного множественного числа (Takemoto 1982: 271). Он же заявлял, что, с японской точки зрения, западные люди слишком говорливы, тогда как японцы привыкли к молчанию, и значительная часть информации в их языке лишь подразумевается. Причина этого в том, что для западного человека слово – оружие, без него нельзя выжить, а японцы находятся между собой в мирных отношениях семейного типа (Takemoto 1982: 267).

При современном уровне развития науки пока нет никаких строгих критериев доказательного подбора подобных фактов. Их всегда много и в языке, и в других компонентах культуры, но можно найти и немало противоположных. Как известно, существует и полярная концепция, в соответствии с которой современная Япо-

ния уже вполне американизирована, в ней пустили прочные корни идеи свободы, демократии, гражданского общества и т. д. Сторонники этой концепции, которых больше в США и Европе (а теперь и у нас), чем в самой Японии, тоже могут опираться на значительное число фактов, только, разумеется, других. А в области связи между языком и культурой, наряду с отдельными убедительными примерами, последователи Уорфа приводят иногда и фантастические. Разграничить их пока можно лишь с помощью интуиции и так называемого здравого смысла, а они у разных людей не одинаковы.

Так что подбор фактов у братьев Фукуда предназначен для заранее заданной цели. А она для подобных работ вполне стандартна: показать, что японское общество не хуже и даже лучше американского. Но проблема сама по себе остается, и важно, не отбрасывая интересные факты и наблюдения, критически относиться к тому, что об этих фактах пишут и говорят.

Мы далеки от претензий на восстановление японской картины мира в целом или на перечисление всех или даже основных отличий этой картины, скажем, от русской. Ограничимся лишь отдельными примерами, о которых можно сказать что-то более или менее достоверное.

Как писал Киндаити, в японском языке мало дифференцирована животноводческая лексика (нет особых слов со значениями «корова», «бык», «жеребец» и пр., можно лишь говорить о самцах или самках соответствующих животных). Это, кстати, значительно отличает японский язык от других алтайских. Зато много лексики, связанной с морскими промыслами; например, русскому *рыба* соответствуют шесть слов, не полностью совпадающих по значению. Богата лексика, связанная с погодой, с сезонами года, весьма дифференцированы названия рельефа и морских просторов. Вообще много слов (значение которых часто трудно передать по-русски или по-английски), связанных с водой (морской, речной, дождевой) и влагой: есть особые слова для горячей (*yu*) и холодной (*mizu*) воды, много лексем, обозначающих промокание и отсыревание. Лексика со значением ощущений довольно бедна: по-японски трудно передать разницу между словами *твердый* и *жесткий*. Зато богата лексика, связанная с психологическими состояниями: русскому *грустный* или английскому *sad* соответствуют четыре не синонимичных слова, различие между которыми по-русски или по-английски трудно передать. Дифференцированы глаголы, обозначающие приготовление пищи. Русскому глаголу *надевать* или английскому *put on* соответствуют четыре японских глагола: для одежды, обуви, головных уборов и перчаток. Много лексики, связан-

ной с социальными отношениями (например, формами этикета), в том числе благодарностей, извинений, обозначений подарков.

Еще одна особенность, отмечаемая и Киндаити, и другими лингвистами. В японском языке очень много особых звукоподражательных и так называемых образоподражательных слов (в последних словах звуки речи не подражают звукам природы, а передают впечатление, эмоциональное представление о чем-то). Видный отечественный японист А. А. Холодович в книге, посвященной анализу японских военных текстов 30-х годов, писал, что такие слова «употребляются обычно в военных пособиях при характеристике действий газов, а также при описании того, каким образом по звуку можно отличить полет и разрыв химического снаряда от гранаты». Приводятся примеры: пати-пати – «звук химического снаряда во время падения», пуппуу – «звук химического снаряда во время полета» (Холодович 1937: 106). В русском языке нет ничего подобного. Более того, на вопрос о том, как разные звуки химического снаряда передаются в русском языке, скорее всего, придется ответить: никак. Русская языковая картина мира эти значения в себя не включает.

Сам я, работая в 70-е годы на советской космической выставке, столкнулся с таким фактом. Объяснять мировое значение полетов космических аппаратов на Марс или Венеру иногда оказывалось сложным, поскольку были посетители, которые не знали названий планет и задавали вопросы вроде: «Что такое Венера?». Разумеется, в японском языке такие слова есть, а эти люди когда-то сталкивались с ними в школе. Но в картину мира «среднего» носителя русского языка соответствующие слова обычно входят, а для Японии названия планет и звезд – нет (почти все эти слова – книжные китаизмы).

А вот и такая особенность японской картины мира, отражаемая в стандартном эпистолярном жанре «сезонных приветствий» (*jikoo no aisatsu*). Каждый месяц традиционного японского календаря делится на две части, и получается 24 слова для обозначения сезонов. Например, период с 6 по 19 января именуется *shookan* – «сезон вторых по суровости холодов», период с 20 января по 3 февраля – *daikan* – «сезон самых суровых холодов», период с 6 по 20 мая – *rikka* – «начало лета». Указанный эпистолярный жанр (специальное письмо или фрагмент письма, в том числе делового) связан со стандартным выражением эмоций по поводу наступления того или иного сезона; если сезон неприятен своей погодой, то передается сочувствие. Письма такого рода имеют в зависимости от сезона специальные именованья: *kanchuu-mimai* – «письмо сочувствия в

связи с наступлением сезона холодов», *shochuu-mimai* – «письмо сочувствия в связи с наступлением сезона жары» и т. д. (см. специальное исследование: Бессонова 2003). При этом не обязательно, например, в случае *shochuu-mimai* собеседник на самом деле страдает от жары: таков ритуал в связи с календарем. В европейских культурах нет ничего подобного.

Некоторые из перечисленных особенностей легко объясняются особенностями климата Японских островов или японского общества. В японском языке не могут не отражаться, во-первых, жизнь японцев во влажном субтропическом климате, во-вторых, горный рельеф, в-третьих, островное положение страны. В таких условиях никогда не было развито скотоводство (горный рельеф и ограниченность равнин его затрудняли), зато важен был морской промысел. Влажный климат Японии и частые изменения погоды при строгом чередовании сезонов требовали развития соответствующей лексики. Даже малое значение в японской языковой культуре названий звезд и планет можно объяснить тем, что японцы хотя и были связаны с морем, но в течение многих веков плавали лишь вдоль берегов и не привыкли ориентироваться по звездам. Однако можно ли подобным образом объяснить, скажем, развитие в японском языке обозначений эмоций и звукоподражательной и образоподражательной лексики?

И, безусловно, важнейшая черта японской языковой картины мира – пронизывающее очень многие стороны языковой культуры этой страны противопоставление «свой – чужой», «пространство внутри» (*uchi*) – «пространство вне» (*soto*). Это противопоставление в японском языке специально исследовано в недавно вышедшей книге Т. М. Гуревич (Гуревич 2005). Но оно важно и в связи с проведением тех или иных границ внутри японского общества. Как «свои» могут рассматриваться члены своей семьи по отношению к остальным людям, соседи по отношению к тем, кто живет далеко, сотрудники своей фирмы по сравнению с персоналом иных фирм и т. д. И это проявляется в языке.

В Японии сильна тенденция иметь особые языки для своих и чужих. Отношение к иностранцу – предельный случай: он всегда чужой, и к нему лучше обращаться на английском языке (хотя уровень владения этим языком в Японии в целом не столь высок). Но язык для своих и язык для чужих – не обязательно разные языки в обычном смысле, это могут быть разные подсистемы японского языка. В современной Японии, где благодаря школьному обучению

и телевидению все как-то владеют нормами литературного языка, он повсеместно употребляется не только как язык книги и высокой культуры, но и в качестве «языка для чужих».

Однако хочется иметь и особый «язык для своих». Именно этим объясняется то, что японские диалекты (в отличие, скажем, от русских) необычайно устойчивы. В первой половине XX века, когда шло распространение в массах литературного языка, диалекты пытались искоренить, в школе старались от них отучить. Но в послевоенное время от этого отказались. По-прежнему диалект в Японии служит «семейным средством коммуникации» (Grootaers 1982: 329). И к любому хорошо знакомому человеку, если он воспринимается как «свой», можно обратиться на диалекте. А вот с иностранцем говорить на диалекте неудобно. Сейчас чаще всего даже крестьяне свободно владеют двумя языковыми системами и сознательно переходят с одной на другую. Конечно, диалектные черты более явны в деревне и в малых городах, но и в крупных городах диалектные и региональные черты могут быть устойчивы, особенно в акцентуации.

Однако диалекты, сохраняя свою социальную роль, структурно меняются под влиянием литературного языка. Место «старых», традиционных занимают «новые диалекты», в которых сосуществуют исконные диалектные и литературные черты, а кое-что в лексике и даже в грамматике появляется впервые (Inoue 1982).

Сейчас не только не пытаются искоренять диалекты, их считают национальным достоянием, активно изучают, а записи хороших носителей исчезающих традиционных диалектов хранятся наравне с записями голосов крупных артистов (NHK... 1972). В школах теперь вводится даже специальный курс правильной речи на диалекте той местности, где находится школа. Конечно, обучать каждому диалекту и говору невозможно, поэтому детей фактически учат некоторым региональным вариантам языка. Исследователи отмечают, что в последнее время в речи молодежи, особенно девушек, стала проявляться мода на использование диалектных слов и даже грамматических форм из разных диалектов, в том числе и таких, которые никогда не использовались в данной местности (Благовещенская 2007). Эти диалектные черты уже не имеют территориального характера, в условиях большого города – это лишь способ еще более отделить язык для «своих», для своей молодежной компании от языка для «чужих».

Противопоставление «свой – чужой» проявляется и в так называемых формах вежливости японского языка (точнее их было бы на-

звать формами этикета). В этой системе на противопоставление «свой – чужой» накладывается еще одно важнейшее для японского общества

иерархическое противопоставление «высший – равный – низший».

Японская система форм вежливости очень сложна и охватывает не только лексику, но и грамматику, включая в себя большое количество грамматических, прежде всего глагольных, форм. Выбор такой формы в зависимости от ситуации – весьма сложная проблема, которую постоянно приходится решать каждому японцу. Он определяется разными параметрами: относительным социальным положением, возрастом, полом, исполнением тех или иных социальных ролей (к врачу или полицейскому будут обращаться как высшему, пока он исполняет служебные обязанности), психологическими факторами и др. Но важно и рассмотрение с точки зрения параметра «свой – чужой». Например, при приеме посетителя сотрудник фирмы не должен употреблять вежливые формы по отношению к своему начальнику (даже если он по социальному рангу выше посетителя): он в данный момент «свой», а посетитель – «чужой», и именно к последнему надо выражать этикет.

Еще одна проблема, связанная с этикетом, – соотношение вербальной и невербальной информации в диалоге, где также надо учитывать противопоставление «свой – чужой». В отношении к чужим в Японии не принято много говорить и показывать свои чувства, в соответствии с правилами этикета рекомендуется тщательно взвешивать каждую фразу и не нанести ущерб собеседнику. В отношении своих эти этикетные ограничения снимаются, и японцы, проводящие досуг в своей компании, могут показаться наблюдателю даже очень болтливыми. Но внутри своей группы открываются совсем иные возможности для недоговорок: широко используется эллипсис, опущение всего того, что прямо вытекает из контекста.

Литература

Алпатов, В. М. 1998. *История лингвистических учений* (с. 219–226). М.: Язык славянской культуры.

Бессонова, Е. Ю. 2003. *Клише в эпистолярном стиле японского языка АКД* (с. 69–78). М.: ИСАА при МГУ.

Благовещенская, О. В. 2007. *Язык молодежи в Японии*. Дис. ... канд. филол. наук. М.

Гумбольдт, В. фон. 1984. *Избранные труды по языкознанию*. М.: Наука.

Гуревич, Т. М. 2005. *Человек в японском лингвокультурном пространстве*. М.: МГИМО.

Уорф, Б. 1960. Отношение норм поведения и мышления в языке. Наука и языкознание. Лингвистика и логика. *Новое в лингвистике*. Вып. 1. М.: Изд-во иностранной лит-ры.

Холодович, А. А. 1937. *Синтаксис японского военного языка*. М.: Изд-во иностранных рабочих в СССР.

Fukuda Eiichi, Fukuda Yuuji. 1990. *Nichibei no kokusaika to gengo sootaisei*. Tokyo.

Grootaers, W. 1982. Dialectology and Sociolinguistic: a General Survey. *Lingua* 57 (2–4).

Inoue, F. 1982. Higashi Nihon no “Shin Hoogen”. *Area and Culture Studies* 32. Tokyo.

Kindaichi, H. 1978. *The Japanese Language*. Tokyo. (Японское издание книги появилось в 1957 г.)

NHK soogoo hoosoo bunka kenkyuujo. 1972. Tokyo.

Takemoto, Sh. 1982. Cultural Implications and Culture Contrasts between Japanese and English. *International Review of Applied Linguistics*. T. XV. Heidelberg.